

УДАЧИ И ПРОСЧЕТЫ

Каждый год, летом, в театральной жизни нашего города наступает временное затишье. Исчезают со стендов афиши спектаклей, захлопываются окошки театральных касс. Актеры уезжают на гастроли, а зритель ждет свидания с новыми творческими коллективами, следит за появлением новых афиш.

В известной степени афиши можно считать визитной карточкой театра. По ним судят о направлении его поисков.

Афиши Рязанского театра обещали встречу с коллективом ищущим. Русская классика, пьесы советских драматургов (из них две созданы «своим» писателем, рязанцем), инсценировка по роману Драйзера, произведения авторов дружественных нам социалистических стран...

Однако сами по себе афиши — только объявление о замыслах театра. Вот когда оживет сцена и начнется общение со зрителем, тогда мы сможем судить, какой коллектив пришел в наш город.

Спектакль «Иду на таран» — им рязанцы начали свои гастроли — вызвал большой интерес. Давно в стенах нашего театра не раздавалось таких горячих аплодисментов. Это

была дань восхищения Герою Советского Союза Борису Ивановичу Ковзану, о боевой юности которого рассказывала пьеса. Но этот энтузиазм относился и к театру, который взялся за нелегкое дело создания драматизированной хроники и первым поведал нам о беспримечном подвиге своего земляка.

Уже по этому первому знакомству чувствовалось, что в коллективе много одаренных артистов. Закономерен успех молодого Г. Сафронова, сыгравшего главную роль. Он сумел убедительно показать становление характера своего героя, его энергию, оптимизм, одержимость в борьбе с врагом.

Другая большая удача этого спектакля — образ старого грузинского колхозника в исполнении М. Ляшенко. В небольшом эпизоде он рассказал о многом. Перед нами предстала фигура трагическая и величественная. Ляшенко посвятил нас в судьбу человека, потерявшего на войне четырех сыновей, ослепшего от горя и страданий. Но его думы не о себе, а о будущем чужих сыновей, о счастье людей. Артист, сумев подчеркнуть национальный колорит образа, надолго его

большим общечеловеческим содержанием.

Но, отдавая должное создателям спектакля, нельзя было не заметить и досадных просчетов этой постановки. Чувствовалось, что театр не проявил достаточной требовательности в работе с автором. Во многих сценах документальность довлеет над художественностью, поступки героев иногда кажутся слабо мотивированными. И все-таки спектакль подкупает своей теплотой и искренностью. Чувствуется, что он — любимое детище театра.

Потом была «Любаша» того же автора, спектакль, рассказывающий об истории молодой деревенской почтальонши, которой пришлось в тяжелое военное лихолетье самой поднимать на ноги своих младших братишек и сестренку. Но неприязнительность спектакля, слабости драматургического материала вызвали чувство некоторой настороженности. Хотелось увидеть постановки более глубокие по мысли, наполненные многоголосьем сегодняшнего дня.

Вряд ли можно считать удачей театра и такие работы, как

«Чужая женщина», «Сохрани мою тайну».

Слабый литературный материал, поверхностная занимательность не дают возможности для серьезного разговора со зрителем. Немного сумел сказать театр и постановкой «Дурочки» Лопе де Вега, решенной в традиционном манере комедии плаща и шпаги. И уж совсем огорчила «Дженни Герхардт». Невыразительным, безликим выглядит художественное оформление этого спектакля, удивляют и безоблачные вальсы Штрауса, которые сопровождают действие. Но главная беда — слабость инсценировки, которая заставляет актеров играть один из вариантов на тему: «Не в деньгах счастье». Пропала социальная острота Драйзера, его интонация, его умное и точное обличение буржуазной морали. Типичный пример бесконфликтной, общественно вялой драматургии.

Но вот появилась «Святая ночь». Это была не только встреча с пьесой чешского драматурга Петера Карааша. Это была встреча с новой режиссурой, с другими принципами актерского существования

на сцене. Мы увидели спектакль страстный по мысли и удивительно выразительный по форме.

Спектакль нес яростный приговор мещанству, убеждал, что мещанин бывает чрезвычайно многоликим. Он может предстать в облике почтенного и доброго отца семейства, каким является Кубиш (М. Рубанов). Он может быть таким, как его старший сын Марион (заслуженный артист Грузинской ССР Б. Казинец), откровенный мерзавец, перешедший на сторону фашистов. Мещанство может воплотиться и в облике белокурого, женственного существа, каким является дочь Кубишей Ангела (зас. арт. РСФСР З. Белова), содрогающаяся при упоминании о зверствах фашистов. Однако все члены семьи почтенного негодяя, от его старшего сына, стреляющего в затылки людей, до богобоязненной матери семейства (Т. Галышева), — люди одной породы. Хищничество, приспособленчество во имя спасения собственной шкуры — вот что роднит мещанство с фашизмом. И театр сумел доказать это страстно и убедительно.

Интересно отметить, что

представителя «чистого» фашизма, лейтенанта Бреккера, мы видим не в облике традиционного злодея. Молодой артист А. Кириллов рисует образ сложный. Его Бреккер умен и ироничен, он устал от войны, от вечной тревоги за свою семью. Но все эти качества не заслоняют его сути: привычную, автоматическую жестокость, цинизм и душевную пустоту.

В спектакле рязанцев органично сочетаются откровенный гротеск и изящная ирония, акварельный лиризм, когда на сцене появляется юная пара — младший сын Кубишей, партизан Дюрко (В. Пинчук) и его возлюбленная Катя (Т. Владимирова), и публичностическая открытость. Да, это был спектакль — стирание, спектакль — открытие...

Вообще, драматургия братских социалистических стран хорошо «прижилась» на рязанской сцене. Удачно осуществлена и постановка пьесы польских драматургов Ю. Слотымского и З. Сковронского «Именины пана Пухальского».

Веселые, почти водеvilные ситуации спектакля отнюдь не заслоняют умных наблюдений над жизнью. Фонкая игра исполнителя главных роли — М. Ляшенко, что называется, «яблочком бьет» зрительству и тупости.

К концу гастровой рязанцев

показали нам «Справедливость — мое ремесло» Л. Жуковичского.

Немалые трудности стояли перед Б. Казинцом — исполнителем главной роли. Казинец не сглаживает противоречий в характере своего героя, но он убеждает нас, что в существе своем — это человек очень честный и убежденный.

Отрадная удача спектакля — Ленка Волкова в исполнении Т. Владимировой. До сих пор мы видели эту актрису в небольших, почти эпизодических ролях. В спектакле «Справедливость — мое ремесло» Владимирова убедительно доказала свое право на большую роль.

Да, этот спектакль подарил немало интересных мыслей.

...Приближается день расставания с рязанцами. На рекламных стендах уже появились афиши другого театра. Честно говоря, гастроли рязанцев оставили чувство какой-то раздвоенности. С такими актерами, как М. Ляшенко, С. Астафьев, Б. Казинец, А. Кириллов, Г. Сафронов, С. Старцева, М. Урухина, З. Белова, Т. Владимирова, Т. Аникина, А. Воронцова, можно решать более серьезные творческие проблемы.

Но это произошло далеко не во всех спектаклях.

Б. ПОМОРЦЕВА.

«ИГОРСКАЯ ПРАВДА»

31 ИЮН 1970